

КАЖДЫЙ ШЕСТОЙ СЛАВУТЧАНИН РОДИЛСЯ В СЛАВУТИЧСКОМ ГОРОДСКОМ РОДДОМЕ

Вы, читатель, когда-нибудь обращали внимание на то, о чем обычно говорят мужчины, когда собираются вместе, причем общий градус общения не поднимаясь выше средней отметки?

Правильно: о службе в армии. В разговоре охотно принимают участие даже те, кто никогда не был в рядах вооруженных сил. А о чем говорят между собой женщины? Правильно: о родах. Именно о родах — даже не о детях, а о том КАК. Даже те, кому не довелось испытать счастье рождения ребенка.

И если при таком разговоре случайно оказывается мужчина, он, паче чаяния, никуда не уходит, а тихонечко сидит в стороне и слушает. И не потому, что сообщаемая информация столь уж эксклюзивна и уникальна (мы, женщины, рассуждаем об акушерках, принимавших у нас роды так, как мужчины вспоминают о любимом старшине или сержанте) — просто у него появляется редкая возможность проникнуть за завесу, за которую ему "не положено" самой природой. Собственно, мужское присутствие в таких ситуациях обычно и не ощущается, потому что, обычно в массе своей разговорные, при подобных разговорах женщины становятся некоей общностью, объединенной памятным на всю жизнь воспоминанием неодионочества, возникшего после появления на свет твоего малыша. Потому что, как бы потом ни сложилась жизнь женщины, она уже никогда не будет одна. Потому что, несмотря ни на что, ее дитя вырастет и подтвердит всему миру, что она ничем не хуже (а может, и лучше) других.

...И она ревниво и чуть испуганно следит за руками акушерки или детской медсестры, уверенно поднимающей, переворачивающей, встряхивающей ее обретенное сокровище.

Наши бабки-прабабки рожали по 5 — 6, а то и 10 детишек. Мы — по одному, реже — по двое. Женщина, родившая 3 — 4 ребят, считается в наше время почти матерью-героиней. И небезосновательно: социальная и экономическая ситуация в Украине оставляет желать лучшего. Но вот ведь парадокс: в обеспеченной Франции, разворачивающей сейчас национальную демографическую программу, рожают немногим чаще, чем у нас.

Славутич по-прежнему остается единственным в Украине городом, где рождаемость превышает смертность. Но и этот уровень рождаемости снизился: если в прежние годы мы принимали по 40 и более родов в месяц, сейчас около 20-ти. Еще 3 — 4 года назад в Славутиче за год рождалось 350 — 380 детей, то в прошлом году — только 212, — рассказывает главврач роддома Ирина Дрепина.

— Назвать нынешние времена тяжелыми — значит сказать банальность. И тем не менее. В черниговский родильный дом роженицы уже давно приходят со своими халатами, бельем, предметами личной гигиены. А как с материальным обеспечением у нас?

— Тоже непросто. Сейчас и мы разрешаем женщинам приносить с собой домашние халаты — лишь обязательно проверяем их чистоту: всякое, знаете ли, бывает. Больничным бельем обеспечиваем только во время пребывания в родзале. Просим, чтобы женщины принесли с собой для малышей памперсы.

— Пеленок не хватает?

— Теоретически — должно хватать. Практически — не хватает, так как нас ограничивают в объемах сдаваемого в стирку белья — из-за недостатка моющих средств, расхода воды и электроэнергии. Поэтому мы выдаем на день на малыша по 20 пеленок, а этого, конечно, мало. Сейчас у нас трехразовое питание, но говорят, в связи с недостатком финансирования роддом может перейти на одноразовое. Это, конечно, жуть, но я слышала, что в других городах такое уже давно.

— В других городах, в частности, в Чернигове, вместе с обменной картой будущей маме выдают на руки список необходимых во время родов препаратов. Я однажды подсчитала: на приобретение лекарств из того списка надо израсходовать 160 — 200 грн.

— Мы поставлены в жесткие рамки. У нас есть определенный набор медикаментов, которые могут потребоваться при родах.

— Минимум?

— Нет. Мы имеем все, чтобы оказать квалифицированную медицинскую помощь в самых экстренных случаях. Но этот запас необходимо постоянно возобновлять, на что бюджетных средств, естественно, нет. Поэтому мы тоже называем роженицам все те препараты, которые им понадобятся. И женщины, как правило, приносят все это, когда отправляются в роддом. Однако бывают ситуации, когда мы готовим женщину к нормальным родам, а приходится делать скажем, кесарево сечение, бывают разные варианты. В этом-то случае мы и пользуемся медикаментами из того больничного НЗ, а затем родственники роженицы приобретают и возвращают роддому израсходованные препараты: если подобная нештатная ситуация возникнет завтра, мы должны быть во всеоружии, чтобы ее разрешить.

— Патологических родов сейчас много?

— Их всегда было много. Сейчас нормальных родов не более 30% от общего количества. Но ведь это не только у нас — подобное положение — я это знаю из бесед с коллегами — и в Чернигове, и в Киеве.

— Женщины разучились рожать?

— Трудно сказать, с чем это связано. Возможно, с экологией, возможно — с социальными причинами, тем же принципиально неправильным питанием, которого сейчас придерживаемся мы все — в том числе и беременные. Возможно, с режимом работы... Я лично считаю, что беременная женщина вообще не должна работать: ее дело благополучно выносить и родить малыша, что, как показывает опыт, дело нынче простое, а тот, часто единственный, ребенок, которого ей удастся родить, должен быть полноценным и здоровым.

— Помнится, долгое время Славутич был городом многодетных семей: рожали и 3-х, и 4-х детей. А сейчас?

— В 2000 году мы приняли как никогда много родов у неоднократно рожавших женщин.

— Такие роды, я слышала, всегда проходят легче?

— Да как сказать... Так совпало, что среди многорожавших были, в основном, женщины из семей верующих. Я ничего не имею против их религиозных убеждений, но слишком частые беременности и роды изматывают организм. Это ж только считается, что благодаря родам идет омоложение. Какое уж тут омоложение, если в результате постоянных беременностей из организма женщины вымываются практически все минеральные вещества! Не так давно меня ужаснула ноги одной 30-летней женщины, рожавшей пятого ребенка, — такого варикозного расширения вен я еще никогда не видела. Да и плод при чрезмерно частых беременностях развивается не так хорошо, как хотелось бы. Сказывается и материальный фактор: питание в многодетной семье автоматическим образом становится хуже. Недополучают необходимых витаминов, белков, жиров, минеральных веществ не только дети, но и вечно беременная мама.

— В вашем ведении находится и отделение патологии беременности. С чем обычно попадают женщины в это отделение?

— Да с тем, что обычно: угрозой прерывания беременности. Последнее время, правда, участилась такая патология, как фетоплацентарная недостаточность, или, как ее называют в просторечии, старение плаценты. Женщины зачастую не понимают опасность, которую она несет будущему ребенку, и стараются избежать госпитализации. А зря.

— И чем чревата эта патология?

— Есть такой педиатрический диагноз: маловесный ребенок. Дитя, перенесшее фетоплацентарную недостаточность, рождается с весом менее 3-х килограммов, хуже сверстников набирает вес, чаще болеет, — в общем, достаточно опасная патология. Профилактический курс лечения дает хорошие результаты, но не всех удается уговорить его пройти.

— Эта и другие патологии обычно выявляются при обследовании. Обследования, как правило, назначают

после постановки женщины на учет. Помнится, в начале — середине 90-х будущие мамы часто приходили в консультацию чуть не на сносях. А сейчас?

— Насчет того, чтобы на сносях — это, пожалуй, чересчур. Но поздних обращений было действительно много: жены работников станции, бывало, становились на учет недель в 30. Теперь, когда дисциплинированно выполняющих назначения врача и ставших на учет до 12 недель беременности женщинам по месту их работы или по месту работы мужей выплачивается небольшое пособие, поздние обращения в консультацию стали реже. Хотя разные бывают случаи. Не так давно приняли роды у женщины, вообще не становившейся на учет и все время проработавшей уборщицей на станции, в грязной зоне. И ладно бы первые роды, опыта нет — а то ведь третьи! Мы ее спрашивали: что ж ты так, ведь после постановки на учет тебя бы вывели из зоны без потери в зарплате! Она разводила руками: я не подумала. Хорошо, хоть дитя родилось здоровое.

— Помнится, славутичский роддом с его одноместными палатами и современным оборудованием считался одним из лучших в Украине. Я слышала, сюда охотно ездили рожать даже из Киева и Москвы — не говоря уже об окрестных селах. А сейчас?

— Койко-день у нас очень дорогой — порядка 35 — 40 грн., поэтому принимаем на роды только славутчанок. Ну, разве что привезут иногороднюю женщину уже в потугах — такую, понятно, у порога не оставим.

— Чернигов захлестнула волна неизвестно откуда свалившихся, без обменных карт и паспортов, беременных женщин, зачастую оставляющих новорожденных детей в роддоме. По неофициально полученным мною данным, только за последнюю полугодие таких случаев было 14...

— У нас такого практически нет — город не стоит на пересечении дорог, станция — не узловая. Хотя несколько отказников было и у нас — в основном, действительно, оставляли приезжие. Славутчанка, по-моему, отказалась от ребенка только один раз. У малышка был врожденный сифилис...
— Поскольку речь зашла на эту тему, просто не могу не спросить: а как в таких случаях защищен принимающий роды персонал? На Западе, я знаю, существуют специальные противоинфекционные комплекты, включающие специальные костюмы, маски, высокие, почти до плеч, перчатки. А у вас?

— Перчатки, прикрывающие запястья. Маски, защищающие рот и нос, — и все. Купить спецкомплекты, конечно, можно — были бы деньги. Правда, на Западе эти комплекты одноразовые. Между прочим, все работники роддома хоть бы по одному разу проходили специализированное профилактическое лечение от сифилиса. Представьте, привозят женщину, мы принимает роды, затем выясняется, чем она больна — лучше уж не рисковать и пройти курс. Сдава Богу, хоть СПИДа пока не было... Кстати, об оснащенности современным оборудованием тоже стоит сказать несколько

слов. Когда создавался роддом, значительная часть оборудования до Славутича просто не дошла — осела, вероятно, в Киеве. У нас всего два куведа для выхаживания недоношенных — оба старые и дышат на ладан. И нет ни одного детского дыхательного аппарата. И денег на их покупку тоже нет — каждый стоит 10 — 15 тысяч дол. По случаю рождения 4000-го новорожденного город выделил нам 4 тыс. грн. Хватило на покупку электронных весов...

Отечественная аппаратура, конечно, дешевле, но качество ее оставляет желать лучшего — она не очень-то подходит и для взрослых пациентов. Для детей ее использовать вообще невозможно.

— А были случаи, когда из-за отсутствия подобной аппаратуры не удалось выводить ребенка?

— Увы. Года три назад мы потеряли

малыша, который, возможно, имел бы шанс выжить, будь у нас такая аппара-

тура. Наверное, подобная статистика не производит солидного впечатления. Но ведь для каждой матери этот несчастный потерянный малыш — ее выношенный, вымечтанный ребенок, возможно, единственный, возможно, последний шанс. Как ей это пережить?

Как-то так случилось, что с приглашенной для участия в рубрике "Ваше Величество Женщина" Ириной Дрепиной у нас вышел сугубо профессиональный разговор. Может быть, потому, что уж больно животрепещущей оказалась тема нашей беседы. А может, сама Ирина Александровна слишком заинтересованная в своей работе человек. За те 12 лет, что она работает в Славутиче, и непосредственно в роддоме, через ее руки прошло, наверняка, не менее половины из 4 тысяч родившихся в нашем городе детей.

Майя РУДЕНКО